

Анна Айдарова

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ ГОДА

СЧАСТЬЕ
В ПОДАРОК

Анна Айдарова

Последняя Ночь Года

<https://litres.ru/74238237>

Аннотация

Накануне Нового года чего только не происходит, но ничего хорошего Алиса уже и не ждет: парень бросил, друзей, как оказалось, не имеется, родители заняты исключительно собой и своей работой... И у Алисы остались только боль, разочарование и горе. Но все меняется, когда в самый канун праздника она получает странное предсказание, а затем в ее жизни появляется не менее странный парень. И тогда оживает и становится реальным мистический Санкт-Петербург с тайными тварями, питающимися людской тоской и скорбью. Как бы охотник ни хотел не втягивать Алису в свою войну, но тени уже выбрали цель, и пути назад нет: он должен защитить ту, что стала для него неожиданным подарком в Новый год.

Содержание

глава 1.	4
Алиса	20
Визуалы. Питерский дворик	21
глава 2.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

глава 1.

Для меня каждое окончание года всегда небольшой стресс.

Когда я была маленькой — все в мире казалось правильным и естественным. И то, что елка у нас появлялась в конце декабря, когда дедушка приезжал из деревни и привозил огромные еловые лапы — тоже казалось правильным.

Прабабушка ворчала, но доставала старого деда Мороза из папье-маше и потёртую пластмассовую Снегурку. И украшала еловые лапы стеклянными шарами со стертым рисунком и ватой с блестками.

Утром я находила под нашей “елкой” мандарины и карамельки и была абсолютно счастлива. И только в школе обнаружила, что можно жить по-другому. Можно не ждать последнего дня года, чтобы украсить лесные еловые ветви старыми игрушками, а повесить гирлянды и разрисовать окна уже в ноябре. И ждать праздника, зажигая огоньки на окнах, просматривая веселые новогодние фильмы — старые, новые, наши или зарубежные — какая разница? И пить чай из большой кружки с новогодней росписью, и готовить себе понемножку разные зимние вкусности...

Но все это так и не вошло в мою жизнь.

Родителям всегда было некогда. Они с радостью сбагрили свое единственное дитя одной из прабабушек, занимаясь

своей жизнью и своим бизнесом. Прабабушка... не знаю, была ли она довольна таким раскладом. Но забирала из школы, водила на кружки и иногда даже позволяла приводить подружек. Впрочем, девочкам не очень нравилось в нашем доме — интересных игрушек у меня не было, ремонт у прабабушки был “старый”, советского еще образца, а часы в прихожей тикали так громко, что заглушали все звуки.

Прабабушка — суровая коммунистка, так и не принявшая новые порядки — со временем начала мне казаться кем-то сродни староверам: такая же непримиримая ко всему, что расходилось с ее представлениями о “правильно” и “не правильно”...

Так что особо подруг я не завела, предпочитала тихо читать в комнате и недоумевать, почему все вокруг так радуются и так ждут последнего дня года.

А потом, в семнадцать, я влюбилась. Так, что мир перевернулся. И самое удивительное — это казалось взаимным.

Я сбежала от своей семьи прямиком в объятия новой жизни. Не уверена, вздохнули ли родственники с облегчением, но никто отговаривать меня не стал. И уговаривать продолжить учиться тоже. И я была счастлива. А что еще нужно? Любимый рядом, жизнь — чудо, а мир — огромен и внезапен, как праздник, который врывается к тебе сквозь распахнутые окна и двери.

Саша был старше меня, приятно пах сигаретами и свободой, а его однушка казалась мне роскошным дворцом, пол-

ным радости и той самой, настоящей, взрослой жизни.

Там не было пыли, там была сама жизнь. И целых два года я искренне верила, что нашла свой дом. Что моя «ноша» одиночества наконец-то сброшена.

Но все однажды закончилось. Грубо, быстро и бесповоротно.

Саша стоял посреди комнаты, и его лицо было чужим, как будто его подменили.

“Собирай свои вещи и вали”, — сказал он ровным, бесчувственным голосом. Он не смотрел на меня. В окно. На празднично сверкавшую гирляндами предстоящего новогоднего карнавала улицу.

Я не поняла.

— Что? Саша? Что случилось?

— Хватит врать, Алиса. Я всё знаю. Про тебя и Влада. Собирай свои вещи и уматывай. Мне шлюха не нужна.

Влад был его другом. Лучшим. Часто бывал у нас...

— Саш... я... да что случилось?

И тогда он начал собирать мои вещи сам. Вытаскивал из шкафа и утрамбовывал в большую клетчатую сумку, невесть откуда взявшуюся. А я бормотала что-то, плакала, хватала его за руки и пыталась объяснить, что я не виновата... я не врала... зачем мне Влад, какой Влад? У Влада Ленка, там любовь безумная...

— С такими, как ты, даже говорить не стоит! Но я тебе скажу: тебе самой надо было признаться и уйти, и тогда все

могло сложиться по-другому. Сама виновата. Но я терпеть не буду. Все, выметайся.

Это была ложь. Грубая, примитивная, но сказанная с такой леденящей уверенностью, что у меня перехватило дыхание. Он смотрел на меня не как на любимую девушку, а как на ту самую неприятную субстанцию, налипшую на подошву — брезгливо и с отвращением.

Дура, я ведь правда пыталась еще что-то доказать, плакала, объясняла...

Мне потребовалось несколько недель, чтобы понять — это был всего лишь предлог. Меня выкинули как ненужную, пришедшую в негодность вещь. Просто потому, что хозяин так решил. Я поняла это, когда собралась с силами и все-таки решила вычистить галерею, удалить все наши фото. Я просматривала каждое, прежде чем отправить его в корзину, рыдала и только теперь видела: видела свои влюбленные глаза и самодовольные — Саши. Видела свою безумную любовь — и его согласие принимать это...

Я оказалась не просто вещью. Я оказалась виноватой вещью. Сначала от меня избавились родители, просто потому, что ребенок нужен для имиджа нормальной семьи. Ребенок есть, галочка проставлена. Заботиться и что-то там еще? Увольте. Родителям я была не нужна и до этого. Они, вечно молодые, красивые и пахнущие дорогим парфюмом, носились по стране со своим очередным бизнес-проектом — то ли кафе, то ли студия ландшафтного дизайна, я уже пута-

лась, да и не интересовалась толком. Их жизнь была глянце-
вым журналом, а я — случайной помаркой на полях. Меня
вычеркнули, как сделанное дело. И я была виновата в том,
что все еще хотела чего-то большего.

А потом любовь... в которой я снова оказалась проиграв-
шей. Той, которую так просто выбросить, не удостоив прав-
ды. Той, которая не заслуживает даже честного конца. Зато
вины — с избытком.

Я вернулась в квартиру, которую мне отдали родители —
квартиру моей бабушки по отцу, лишь бы не мешалась под
ногами. Старая однушка с высокими потолками, лепниной и
таким парадным, что дух захватывало...

«Алис, ты не забывай за квартиру платить. И за электри-
чество. У тебя всё хорошо? Деньги есть?» — спрашивала ма-
ма. Голос у нее был деловой, быстрый, и мне вдруг предста-
вилось, что она говорит по громкой связи, параллельно ли-
стая ежедневник. «Всё хорошо, мам», — ответила я. Я уже
могла сдерживать слезы и не рыдать без остановки, как в пер-
вые дни. Мама, видно, поверила в это «хорошо», повесила
трубку, чтобы не тратить время на ложь. Наверное, постави-
ла галочку в ежедневнике. Больше она мне не звонила. И я
тоже.

Теперь я работаю неподалеку от моей новой квартиры на
островке «Кофе Бин» в торговом центре. Жизнь не измени-
лась. Мимо моей точки с кофе текут люди. Они радуются и
предвкушают, как встретят последний день этого года, улы-

баются, заказывают кофе — латте на миндальном или раф с маршмеллоу. Они покупают подарки и громко обсуждают праздничный стол и планы... У меня это тоже было. Целых два года... А теперь

главная ирония моей жизни в том, что я целыми днями нахожусь в эпицентре того самого праздника, который так презирала прабабушка и которого так боюсь я. Искусственная трёхметровая ёлка у главного входа, гирлянды, которые зажигаются и начинают мигать каждый час, оглушающая музыка, неделями крутящая один и тот же набор новогодних и рождественских хитов. И люди, бесконечные, счастливые люди с огромными пакетами, полными подарков.

Я научилась улыбаться. Уголки губ вверх, мягкий взгляд — лучше смотреть мимо, так больше шансов удержаться, если накатит не вовремя.

— Капучино большой? С собой? На миндальном с корицей. Пожалуйста. Хорошего дня.

Мои руки движутся автоматически, мои губы произносят заученные фразы. А память услужливо подкидывает образы, запахи, воспоминания... Иногда меня внутри скручивает чужая, невидимая рука, горло пережимает спазм. Мне больно, обидно и так мерзко... Но я улыбаюсь. И только вечером, возвращаясь в свою тихую квартиру, я стираю с лица косметику вместе с приросшей улыбкой, и в темноте могу наконец стать собой. Я не включаю свет. От света больно, и слезы, которые весь день копятся во мне, прячась за дежур-

ной улыбкой, выглядят в темноте не так мерзко и куда более естественно. Я плачу в подушку, в ванной, стоя у окна и глядя на гирлянды в чужих окнах.

Эти огоньки казались мне вовсе не символом радости и надежды, а сигналами с других кораблей, которые плывут мимо, не замечая, что я тону. Или огоньками, заманивающими в болото, на верную погибель... И эти ночные бдения у окна успели для меня превратиться в ритуал. Как вечерний чай. В необходимость, как умывание.

Наступил сочельник. По традиции, хоть открывало череду праздников “не наше” Рождество, люди радовались. Мне выпало работать с утра, и я уже знала, что присесть мне не удастся вообще. Смена в этот день всегда была адской, и в этот раз исключения ожидать не приходилось. Толпа, бесконечные заказы, навязчивая музыка, набившая оскомину, спешащие люди... Я чувствовала себя роботом, у которого вот-вот заклинит процессор. И хорошо, вот и к лучшему, радовался во мне кто-то злой и странный, поселившийся внутри. Я готовила и отдавала заказы, пока не пришла сменщица. Но и тогда я не получила долгожданного покоя.

— Алиска! — окликнул меня кто-то, когда я собиралась уходить.

Голос был знакомым, но кому принадлежал я сразу не узнала. Обернулась. И все равно не узнала. Лицо было смут-

но знакомым, и вроде даже недавно виденным. Но на этом все.

— Ой, я так рада, что тебя увидела! Алис, ты что? Я Настя Кирсанова, помнишь?

Я кивнула. Настю Кирсанову я действительно помнила. Мы учились в одном классе, на английском сидели рядом и отличница Кирсанова сдувала у меня контрольные.

— Привет.

Я наконец вспомнила, что надо быть вежливой и улыбнулась.

— Ты как? — продолжала отчего-то радоваться одноклассница, и не слушая, продолжила: — Пойдем посидим где-нибудь? Тут кофейня открылась, там такие круассаны — закачаешься! Пойдем?

Не иначе как католический черт, последний день гуляющий по миру, толкнул меня согласиться и позволить себя увести в супермодную кофейню, открывшуюся пару месяцев назад. Саша все хотел посетить это местечко, но у нас никак не получалось. А потом... я подавила все свои мысли и снова улыбнулась:

— Пойдем.

Мы сидели в уютном полумраке заведения, пахло кофе и свежей выпечкой. Я слушала Настину болтовню о новом поклоннике, о глупом начальнике, о планах на отпуск. Её слова отскакивали от меня, как горох от стенки. Я была островом,

окруженным морем чужих, непонятных и ненужных мне забот. Ковыряла ложечкой десерт — какой-то сложный, но довольно-таки вкусный треугольник торта — и думала о том, что сейчас могла бы уже лежать на полу в прихожей и реветь. А Настя все щебетала и щебетала.

В кофейню вошел рождественский гном с потрепанным мешочком. Борода из жёсткой ваты съехала набок, открывая молодое, уставшее лицо. Он подходил к столикам, что-то говорил, натянуто улыбаясь, а я слышала смех и довольные возгласы тех, кто рисковал вытянуть из потертого алого реквизита содержимое.

Потом настала наша очередь.

— Девушки! — его голос был натянуто-бодрым. — Праздничная акция от нашего бутика «Амур»! Вытяните волшебное печенье с предсказанием и получите купон на скидку! Подарите себе удачу в Новом году.

Настя засмеялась и быстро запустила руку внутрь. Достала обычное печенье с предсказанием — такие продавались и у нас в “Кофе Бин” — и тут же вскрыла.

— Сто лет таких не видела, — довольно улыбалась Настя, — мmmm, вкусно! Так, и что меня ждет? О, да! Скидка двадцать процентов на нижнее бельё! Ну всё, это знак, надо брать! И предсказание: “Любовь найдет тебя там, где кончаются карты. Готовь чемодан и сердце”. Алис, а у тебя?

Гном уставился на меня своими равнодушными глазами. Мне страстно не хотелось участвовать в этом дурацком фар-

се. Я хотела, чтобы он ушёл. Но Настин взгляд, полный ожидания, и его неподвижная фигура заставили меня медленно, нехотя, протянуть руку. Пальцы наткнулись на холодноватый, гладкий пакетик. Я вытащила его, вскрыла и разломала тонкое сухое тесто, оставив крошки на белоснежной скатерти. Внутри, на полоске тонкой крафтовой бумаги неровный блеклый шрифт обещал очередное происшествие.

«Твоя ноша станет твоей опорой».

Я уставилась на эти слова, пытаюсь их понять. Они не сулили ни любви, ни денег, ни путешествий. В них не было ни капли новогоднего волшебства. Они были тяжёлыми. Мрачными. Двусмысленными. Это была угроза? Насмешка? Или совет — взвалить на себя ещё больше, чтобы уже окончательно согнуться и забыть? Моя собственная ноша — одиночество, боль, недоверие — вдруг снова навалилась на плечи, став ещё осязаемее.

— Ну и? Что там? — нетерпеливо спросила Настя.

Я положила бумажку на стол. И одноклассница тут же прочла расплывающиеся буквы.

— И все? — уточнил гном. — А купон на скидку вам не попался? Возьмите еще одно печенье!

— Ничего страшного, — мягко сказала я, надеясь, что мой голос прозвучал достаточно дружелюбно, — попробую в следующий раз. А пока и предсказания хватит.

Я скомкала бумажку и сунула её в задний карман джинсов, и как будто вместе с кусочком листа вложила в себя

странное ощущение холодного, скользкого камня в груди. Это чувство сопровождало меня, когда я распрощалась с Настей, пообещав звонить и обязательно встретиться еще раз. Оно не оставляло, когда я шла к своему дому по ярким светящимся улицам среди радующихся, спешащих домой людей. И оно же заставило меня замедлить шаг, подходя к той самой тёмной арке. К моей личной полосе препятствий, которую я всегда побаивалась и старалась преодолеть поскорее, затаив дыхание.

Только сегодня мне было все равно.

И именно поэтому я его и заметила. Человек в черной, слишком легкой и короткой для зимнего Петербурга куртке. На самом деле, я обратила на него внимание еще на улице: он шел среди прохожих как-то странно припадая на правую ногу, останавливался, хватаясь за ближайшее из того, за что можно было ухватиться — дерево, столб, стену ли, — стоял какое-то время, а потом брел дальше. Люди обходили его — кто с брезгливой ухмылкой, кто с равнодушным желанием поскорее оставить все позади... Потом он куда-то делся, и я уже успела забыть о странном прохожем, когда свернула в свою арку и заметила, что там кто-то стоит, из последних сил цепляясь за гладкую стену, а потом и вовсе сползает вниз, в снег обмякшей тёмной массой.

Мне надо было испугаться. Обойти эту чертову арку, пойти к дому с другой, освещенной фонарями и людским смехом, стороны. Но я сделала шаг вперёд, в темноту.

Под ботинками скрипел недовольный снег — единственный живой звук в этой затхлой подворотне, ведущей к тишине двора-колодца.

— Эй, — я подошла к человеку, обессиленно привалившемуся к стене, ожидая почувствовать запах алкоголя (ну правда, сколько надо выпить, чтоб ноги не держали? Тонну, не меньше, и от запаха все местные крысы должны были бы в обморок попадать) или увидеть остекленевший взгляд наркомана... Но ничего подобного. Я склонилась к сидящему и мой голос прозвучал неестественно громко:

— С вами все в порядке?

Никакого ответа. Только сдавленное дыхание, похожее на стон.

В тусклом свете, пробивавшемся с улицы, я разглядела его с трудом. Молодой мужчина. Лицо совсем бледное, почти белое, на виске темнеет полоска крови. Его пальцы судорожно впились в бок, будто он пытался сжать что-то, удержать внутри. Тонкая кожаная куртка была порвана, потертые джинсы промокли...

Я присела на корточки, стараясь перехватить его блуждающий взгляд.

— Вам нужна помощь? Давайте я вызову скорую?

Он резко, с трудом повернул голову. Глаза... я никогда не видела таких глаз. Слишком светлые, почти прозрачные, и в них плескалась не боль, а дикая, почти животная паника. Он попытался отодвинуться от меня, но тело его не слушалось.

— Нет... — прохрипел он. Его голос был низким и каким-то неестественным. — Никаких врачей. Нельзя. Не надо.

— Все-все, не надо, так не надо, — поспешила я успокоить своего визави.

В голове тут же выстроились соответствующие мысли. Криминал? Драка? Но он не выглядел... агрессивным. Ага, как и маньяки... Некоторые так прямо душки, и не скажешь... Да и на бандита не походил. Было в нем что-то... иное. И выглядел он скорее потерянным. Давай, Алиса, пофантазируй еще.

— Обойдемся без скорой, раз так, но вы не можете здесь оставаться. Вы замерзнете, — сказала я, и сама удивилась своему спокойствию.

Он что-то пробормотал, но я не разобрала. А потом, с каким-то надрывным, жутким усилием, попытался встать, опираясь на стену. Его ноги подкосились, и я инстинктивно подставила плечо, чтобы он не рухнул обратно в снег. Он оказался тяжелым, обмяк, вцепившись в меня. И мне пришлось самой схватиться за спасительную стену.

— Где вы живете? — спросила я, стараясь выровнять дыхание

Он с трудом выдохнул адрес. По счастью — через пару домов.

Барак этот не знал только ленивый. Если что-то и случилось в нашем квартале — то случилось непременно там. Три

подъезда коммуналок как будто вышли из под пера Достоевского. По крайней мере, изучать жизнь маленького человека здесь можно было во всей ее полноте и разнообразии...

Да уж... Но хотя бы рядом. И я кивнула:

— Вы обопритесь на меня. Здесь недалеко. Дойдем.

Так и начался наш нелепый и мучительный путь. Он тяжело навалился на меня, а его дыхание у моего виска было горячим и прерывистым.

Мы шли через двор напрямую, и я благословляла дворников, расчистивших после дневного снегопада проход к домам.

А редкие прохожие поглядывали на нас осуждающе и с некоторым любопытством. Две пьяные девушки громко засмеялись, проходя мимо. Но мне было уже все равно.

Мы подошли к его дому, и я с трудом добилась от моего спутника, какой подъезд ему нужен.

Обшарпанная дверь с вырванным домофоном. Внутри — запах мочи, капусты и старых кошек, приправленный теплом от топящихся батарей и легким ветерком из разбитых окон. Нужная квартира находилась на втором этаже, и я с тоской предвкушала, что надорвусь, втаскивая каменно-тяжелое тело по лестничным пролетам, но на удивление поднялись мы по широким ступеням вполне быстро.

Мой спутник с трудом нащупал в кармане ключ, но его руки дрожали, и он никак не мог попасть в замочную сква-

жину. Я молча взяла у него ключ, повернула и открыла дверь.

Первое, что здесь было — темнота. И только потом запах. Затхлый, пыльный, с примесью мяты и чего-то сладковатого, похожего на загнивающие от долгого стояния в воде цветы.

Я задержала дыхание пока справлялась в полутемном коридоре с замком двери, на которую указал незнакомец.

Комната была маленькой и узкой, почти кельей. Я нащупала выключатель, и в полумраке слабо засветилась одна-единственная лампочка под самым потолком. В углу стояла узкая раскладушка, застеленная армейским одеялом без пододеяльника. Рядом — простой деревянный стол и один стул, около стены тумбочка, на которой в строгом порядке выстроились электрический чайник, мультиварка и аккуратная стопка посуды: две тарелки, чашка, приборы. Больше ничего. Ни ковра, ни штор на голом окне, ни картин, ни книг. Ни единой фотографии. Ни единой безделушки, которая говорила бы о том, что здесь живет человек, а не ночует призрак.

Нет, это была не бедность. Это был аскетизм, доведенный до абсурда. Полное отрицание быта. Но чисто — ни пылинки, и окна здесь явно мыли регулярно.

Я помогла хозяину добраться до стола, и он тяжело опустился на стул. Положил голову на стол и замер. Глаза его были закрыты, но по напряженным мышцам лица я понимала — ему, должно быть, невыносимо больно.

— Давайте я помогу вам раздеться? И ляжете. Всего пара

шагов до раскладушки. Или я подвину сюда?

Он покачал головой.

— Ну как хотите. Может, воды принести?

Он опять отрицательно мотнул головой, не открывая глаз. Левой рукой он по-прежнему сжимал бок.

Я постояла еще с минуту, чувствуя себя чужой и бесполезной в этом месте, лишенном всего, кроме самого необходимого для возможности существовать. Огляделась.

— Тогда... я пойду? — спросила я, не зная, что еще сказать. И добавила: — Выздоровливайте.

Он снова кивнул, едва заметно и пробормотал что-то. Я решила расценить это как спасибо, вышла в коридор, тихо прикрыв за собой дверь.

Из-за соседних из дверей доносились звуки жизни: где-то смотрели телесериал, выкрутив звук на максимум, где-то ссорились, по громкости соперничая с драмой мыльной оперы. В коридоре так никого и не было.

На улице я вдохнула полной грудью морозный воздух. Ощущение ледяного камня в груди не прошло. Оно сменилось новой, странной тяжестью. Но слез уже не было. То ли странное путешествие так повлияло, то ли просто время пришло если не осознать, то отпустить... Я выдохнула и поспешила домой.

Алиса

Визуалы. Питерский дворик

глава 2.

Вот оно и наступило, Рождество. Пусть пока не наше, а лощеное европейское, вылизанное до последнего волоска как в идеальной прическе. Но людям нравилось чувствовать себя причастными европейской культуре и улыбаться. Придет время, и на наше Рождество они тоже будут улыбаться, только с другим колоритом. Будут кататься на расписных санях в ближайшем парке, визжать, слетая вниз с высоких горок, и мазать бутерброды безумным количеством икры...

Вот такое разное Рождество...

Проснулась я от того, что в квартире было непривычно тихо. Окна мои выходили во двор, но тишина все равно здесь гость редкий: обязательно кто-то идет, кто-то метет, кто-то ругается, кто-то по телефону разговаривает...

Но сегодня царила тишина. За окном колыхалась белесая муть раннего зимнего утра. И никакого солнца, только сплошная облачная пелена. А у меня внутри была одна лишь тягостная, навязчивая мысль, крутившаяся на постоянном репите, как заедавшая пластинка.

Тот парень. Вчерашний. И его комната — очень странная комната. И его лицо.

Я ворочалась в кровати, пытаюсь заснуть снова, но картинка была слишком четкой: бледная кожа, темная полоска крови на виске, пальцы, судорожно впившиеся в бок. И эта

комната... эта пустота, кричащая о таком одиночестве, перед которым мое собственное казалось детскими капризами.

«Твоя ноша станет твоей опорой».

Чертова бумажка из печенья! Она лежала сейчас на тумбочке — Бог весть по какой причине я ее не выкинула. Этот клочок серой оберточной бумаги с нечетко пропечатанными буквами был не предсказанием, а приговором. Или приказом.

Я встала, налила себе воды. Пить не хотелось. Встать тоже, лежать было не в моготу...

«Он взрослый мужчина, — пыталась я убедить себя, повторяя как мантру, одно и то же. — Раз сказал «не надо врачей», значит, справится. Не твое дело. Закрой дверь и забудь».

Но забыть не получалось. Почему-то я была уверена, что проигнорирую я все это сейчас, наплюй я на свое предчувствие — и точно произойдет что-то непоправимое. И он там, в этой своей аскетичной конуре, может и не справиться. И кто тогда будет виноват?

Я продержалась до девяти утра. Съела на завтрак безвкусный, напоминающий картонку с нарочитым ароматом леса, йогурт. Я прибралась в квартире, перемыла уже чистую посуду, переставила книги на полке. Бессмысленная суета, чтобы заглушить и забыть. Не помогло.

— Ладно, черт с тобой, — сказала я вслух в пустой квар-

тире. — Я только проверю. Зайду, спрошу о самочувствии и уйду. Вот, захвачу травяной чай — полезно. И гранат.

Мне почему-то припомнились голые крашенные стены, стол без скатерти и какая-то странная пустота, царившая в комнатке.

Я накинула куртку, подумала и шарф надевать не стала. Что тут идти - всего-то пара домов!

На улице было холодно и ветрено, и о шарфе я тут же пожалела. Пришлось воспользоваться капюшоном — просторным и неудобным, не возвращаться же теперь.

Я шла, придерживая рукой норовящий спасть капюшон и всю чувствовала себя идиоткой. Что я скажу, если он откроет? «Здравствуйте, я та самая дура, что вас вчера привела, просто зашла поведать вас и узнать, не умерли ли вы?»

Подъезд встретил меня все тем же: вырванным домофоном старого образца, хлопающей под порывами ветра дверью, запахом сырости, плесени и старых кошек. Но сегодня добавился запах жареной еды, прогорклого масла и чад. Я поднялась на второй этаж и замерла у двери. На лестничной площадке было тихо. Я прислушалась, постояла еще, набираясь смелости у его двери. И ничего не услышала — ни звука работающего телевизора, ни голосов. Ничего. Я позвонила. Я знала, что в коммуналках вроде бы нужно звонить какое-то количество раз, чтобы открыл нужный жилец... Оставалось надеяться на вменяемость соседей. Или на удачу.

Ни того ни другого не случилось, никто не собирался спешить открывать мне дверь. Вот так сразу уйти я почему-то тоже не рискнула, зря или не зря — не знаю. А потом я услышала, что кто-то поднимался вверх. Я решила переждать и только потом уйти — почему-то очень не хотелось встретиться с кем бы то ни было лицом к лицу. Словно я кур во-рую, ей-Богу! Но поднявшейся на второй этаж парочке было точно не до меня. Они открыли нужную мне дверь и даже не потрудились закрыть за собой. И я, подождав, пока они скроются в одной из дальних комнат, вошла и дверь закрыла. На замок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.